

Москва в лицах

Архипелаг судьбы

ЭТОТ ВОКЗАЛ, неоднократно менявший названия (Смоленский — Александровский — Брестский — Белорусско-Балтийский — Белорусский), сохранил до наших дней перестроенный в 1909 году фасад, частично интерьеры, подковой охватывающую примыкающую к главной улице. Так что поездом можно издалека, от берегов Венецианского залива и горных Альп, въехать в самый центр Москвы.

На этот вокзал прибывали в 1945 году эшелоны с освободителями Европы, те, кому посчастливилось сразу после окончания войны вернуться домой. Мог быть среди демобилизованных со 2-го Белорусского фронта и капитан Александр Солженицын, командир разведбатареи, с орденами Отечественной войны, Красной Звезды на гимнастерке, если бы за три месяца до победы не доставили его под конвоем на этот же самый вокзал.

Как все пассажиры, конвой вышел из вагонов, обремененный багажом. А бывший капитан нес свой чемодан с рукописями: дневниками, письмами, рассказами, из объектов литературы превратившимися в улики.

Конвой совершенно не ориентировался в Москве, но дорогу не орохив спрашивать не пришлось, потому что путь к цели знал арестованный. Он-то и повел с перрона в боковой вестибюль вокзала — тут перед войной открылась станция метро «Белорусская». Отсюда под землей можно проехать почти к Кремлю, до станции «Площадь Свердлова».

Вот из нее и вышли бывший капитан и сопровождающие его три конвоира, чтобы проделать оставшуюся часть скорбного маршрута. «Они все трое не знали города, и я должен был выбирать кратчайшую дорогу к тюрьме, я сам должен был привести их на Лубянку, на которой они никогда не были (а я ее путал с министерством иностранных дел)», — так пишет о своем шествии по Москве к месту казни Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ».

К Лубянке «кратчайший путь» был один: мимо стен Китай-города, гостиницы «Метрополь», по приходу Саввы Мамонтова украшенной настенными картинами. На этом пути возник желанный образ Москвы перед пропахшим порохом фронтового дня, не раз мечавшимся между боями о том дне, когда вернется он «в шестое часов вечера после войны» в столицу и увидит именно этот уголок: гостиницу «Москва», поднявшуюся над Охотным рядом, восьмерик белокаменных колонн Большого театра.

Поднялись к «казенному дому» по склону холма на вершину площади, застроенной старомосковскими домами Лубянского пассажа и страхового общества «Россия», некогда жилого, с магазинами. К нему в 1946 году вплотную примкнуло монументальное здание, выстроенное по заказу НКВД автором Мавзолея академиком архитектуры Алексеем Щусевым, который в начале тридцатых годов двумя этажами, с высокой стеной над верхними окнами, надстроил старое здание. (Оно кардинально перестроено внутри, снаружи — недавно).

Старое здание НКВД Алексей Щусев приспособил для тайных дел и тюрьмы после того, как первоначально Облисполкомное во времена «железного Феликса» малое здание ВЧК на Большой Лубянке, 11, с внутренним двором перестало соответствовать масштабу карательных операций разросшегося ГПУ — ОГПУ. К лубянскому ветерану начали раз за разом присовокуплять соседние строения на улице, в примыкающих переулках, на самой площади. В их числе оказался даже дворец, в дни Отечественной войны 1812 года принадлежавший генерал-губернатору Москвы графу Ростопчину.

Бывшему капитану, шедшему по центру столицы в офицерской шинели, но без погон, ремней, звездочки на шапке, хотелось крикнуть на всю Москву, что он ни в чем не виноват. Но и он молчал, как все, кого вели и везли к этому месту. О разных причинах такого поведения писатель, спустя годы, получит возможность порассуждать на страницах книги-реквиема, книги-мемориала в честь миллионов безмолвствовавших в то самое время, когда, по убеждению автора, следовало кричать.

Молчал Александр Исаевич Солженицын и в метро, когда эскалаторы опускали и поднимали его на виду у сотен москвичей, тех, кто в февральский день 1945 года оказался вместе с ним на пути от «Белорусской» к «Площади Свердлова», и далее....

«И еще я в Охотном ряду молчу. Не крикну около «Метрополя»...

Не взяв руками на Голгофской Лубянской площади...».

Вот на ней-то и захлопнулась за арестованным железная дверь.

Капитан-артиллерист Солженицын успел до ареста не раз побывать и жить в столице. Когда случалось это в первый раз? Скорее всего, летом 1939 года, когда, будучи студентом Ростовского университета, обучаясь на физико-математическом факультете, решил, не останавливаясь на достигнутом, пополнить образование заочным путем. И поступил в ИФЛИ (знаменитый тогда центр гуманитарных наук) — Институт истории, философии и литературы.

Живя на Дону, окончив школу и университет в Ростове, женившись на ростовчанке, получив назначение после окончания физмата учителем в маленский городок — Морозовск, Александр Солженицын строил большие планы, имея в виду стать писателем и обосноваться не где-нибудь, а непременно в Москве. Для этого требовались знания, фундаментальная подготовка, поэтому с утра до поздней ночи Солженицын, два года обучаясь в двух вузах сразу, проводил за книгами, поражая целеустремленностью и работоспособностью молодую жену.

«Муж порой казался мне машиной, заведенной на вечные времена. Становилось страшно вато... Но Саня рисовал перед женой заманчивые картины: они год работают в деревенской школе (заодно он изучит деревню), а потом постараются перебраться в Москву. Он будет кончать

ИФЛИ... Она будет учиться в консерватории... Ради этого стоит потерпеть...», — так описывает предвоенный период жизни Наталья Решетовская, бывшая жена писателя.

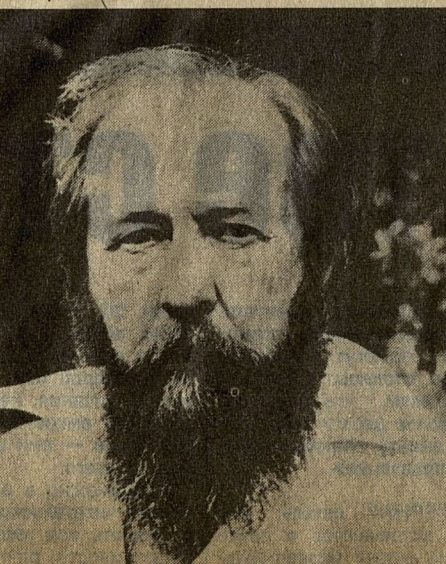
В ИФЛИ проучился два года. Экзамены за второй курс явился сдавать 22 июня 1941 года. Успел, не зная, что началась война, приехать в институт, получить направление в общежитие — на этот раз не в Росткино, а на Стромынку, на Яузе, в громадный замкнутый четырехугольник, составленный из барачного вида огромных корпусов бывшей богадельни и приспособленный под общежитие иногородних студентов университета.

Вот так, два года приезжая в Москву, успел узнать немного город студент Солженицын, побывав в театрах, Нескучном саду, и не один, с женой, у которой в Москве были родственники, жившие на Страстном бульваре, на Малой Бронной.

Знание Москвы пригодилось, когда везли арестованного на Лубянку, чтобы начать следствие, основание для которого дала переписка с другом юности, воевавшим на 1-м Украинском фронте. Друзья рассуждали в письмах о политике, забыв, что их строчки внимательно читались военной цензурой, нашедшей крамолу. Она оказалась достаточной для того, чтобы путь двух фронтовиков оборвался самым неожиданным образом.

Политика, можно сказать, с детства занимала мысли и чувства будущего писателя, уже тогда мечтавшего стать летописцем, создателем небывалой истории русской революции. О политике мог говорить часами. Говорил о ней и с женой, ненадолго приехавшей к нему на фронт, не скрывая от нее неприятия многого, что происходило тогда.

«Не все ему нравится сегодня. Союз с Англией и США. Распуцение Коммунистический Интернационал. Изменился гимн. В армии — погоны. Во всем этом он ви-

дит отход от идеалов революции. Он советует мне покупать произведения Маркса, Энгельса, Ленина. Может статься и так, заявлял он, что после войны они исчезнут из продажи и с библиотечных полок. За все это придется вести после войны борьбу. Он к ней готов».

Солженицын штудировал не только классиков литературы, но и марксистско-ленинизма, сопоставлял сочинения Ленина и Сталина. Это сравнение оказывалось не в пользу последнего, несмотря на то, что портреты здравствующего вождя сопровождали весь путь студента и офицера.

В романе «В круге первом», описывая испытания, выпавшие на долю Глеба Нержича, схожие с теми, что пришлось пережить автору, находим такое признание:

«...следователь не верил, что моя жизнь десятилетиями — десять потянувшись с изучения диамата. Живой жизни я не знал никогда, книгоед, каюсь, но я сравнивал и сравнивал эти два стили, эти два пера, эти две аргументации...».

Два пера — перья Ленина и Сталина. Доставленный на Лубянку, начал Александр Солженицын не только хождение по мукам, но и учебу в университете, завершив политическое образование, пройдя курс лекций в лучших в мире наставников, попавших в заключение.

Александра Солженицына не били — пытали бессонницей, ложили, запугивали. Но никого за собой по своему «делу» не потянул, а значит, выдержал поединок со следователем — неким И. И. Езеповым.

На Лубянке под следственному повелю. Его камера помещалась на четвертом этаже, а тем, кто томился на верхних этажах, прогнали предоставлялись не во дворе, а на крыше, окруженной высокой стеной, хорошо видимой с площади Дзержинского. Прохожие не подозревали, что за этой стеной, за верхним фасадом известного дома — тюремный прогулочный двор.

«Как из ямы, с далекого низа, с площади Дзержинского, к нам восходило непрерывное хриплое земное пение автомобильных гудков. Тем, кто мчится под эти гудки, они кажутся рогом торжества, а отсюда так ясно их ничтожество».

Была на Лубянке достопримечательность — библиотека, богатейшее собрание книг, где можно было заказать те издания, что даже в национальной библиотеке выдавались по специальному разрешению в особые читальные залы для избранных, доверенных, а тут каждый узник мог получить на руки и «читать» Замятина, Пильняка, Пантелеймона Романова и любой том из полного Мережковского».

Из окна камеры на Лубянке видел Александр Солженицын майские салюты 1945 года. В День Победы ему, как всем, принесли обед вместе с ужином, что практиковалось на большие праздники — 1 Мая и 7 ноября.

В июне слышал музыку духовых оркестров из окон Бутырской тюрьмы, тогда еще не окруженной стеной высокого жилого дома. С Лесной и Новослободской улиц доносился шум города: под оркестры маршировали солдаты, готовящиеся к предстоящему Параду Победы.

Еще через месяц, в июле, без суда объявили приговор Особого совещания агитацию и попытку к созданию антисоветской организации 8 (восьмью) лет исправительно-трудовых лагерей». Третий московский тюремный адрес: Красная Пресня, Первый Силикатный проезд, место пересылки. Сюда доставили в августе. Тут-то Лубянка и Бутырка (с книгами, шахматами) вспоминались, как курорт.

«В камере, немного больше средней жилой комнаты, помещалось сто человек,

сжаты были, ступить на пол ногой тоже нельзя. А два маленьких окошка были загорожены намордниками из железных листов, это на южную сторону, они не только не давали движения воздуху, но от солнца накалялись и в камеру шли жаром». Кроме пытки жарой — яркий свет ночью, клопы и мухи.

Отсюда, с Пресни, ходил Александр Исаевич с другими добровольцами на работу — к пристани Москвы-реки в Западном речном порту разгружать лес. Ходили добровольно за возможность весь день свободно дышать свежим воздухом и получить сто дополнительных граммов хлеба на ужин.

Пресня слыла в те годы всесоюзной пересыльной тюрьмой, откуда можно было попасть в лагерь на Крайний Север и Дальний Восток, на берега Ледовитого, Тихого океанов и на берега сибирских рек, в глухомань тайги, в казахстанские безбрежные степи... Неверно, однако, думать, что резервации, где томились миллионы невинных людей, располагались непременно вдали от больших городов... Империя ГУЛАГа распростерлась настолько широко, что ей не хватало самых дальних и бесконечных окраин.

В «Архипелаге» автор наряду со множеством страшных лагерей, носивших названия суровых земель, одно название которых способно вызвать мороз по коже: «Озерлаг», «Камышлаг», «Дубровлаг», — упоминает и такие названия, которые хорошо известны москвичам и жителям Московской области как дачные, пригородные, деревенские, близкие и родные.

Химки, Ховрино, Бескудниково, Марфино — все это в солженицынские годы подмосковные окраины, села, деревни, поселки у платформ пригородных железных дорог, ныне оказавшиеся в черте Москвы. Все они дали названия лагерям ГУЛАГа.

Химкинский лагерь попал на страницы книги-мемориала в связи с таким эпизодом: начальник лагеря майор Волков, увидев, как заключенная девушка сушила на солнце золотистые льняные волосы, пораженный их красотой, приказал: «Остричь!».

Ховринский лагерь славился театром. Его начальник полковник Мамулов следил за появлением в пересыльных тюрьмах известных актеров и добивался направления их в «свой» лагерь; сформировалась в Ховрине не только профессиональная драматическая труппа, начала складываться опера... За промахи на выступлениях актеры получали по десять суток холодного карцера.

Был драматический театр и в Бескудниковском лагере.

Самый ближний к Лубянке лагерь располагался на Котельнической набережной, откуда Кремль как на ладони.

В связи с ним автор «Архипелага» пишет: «А пузатый капитан, начальник 15-го ОЛПа с Котельнической набережной, каждую неделю приезжал в лагерь на легковой машине за олифой и замазкой (в послевоенной Москве это было золото)». То есть приезжал за наворованным для него рабочими-заключенными. Что это за особый лагерный пункт? На Котельнической набережной после войны начали возводить одно из высотных зданий. Сюда и доставляли заключенных, живших в зоне, в бараках, рядом со стройкой.

Самый крупный на территории Москвы лагерь находился на Юго-Западе, где соорудили Московский университет. Сюда по утрам под конвоем низкорослых башкир, вооруженных автоматами, под приглядом множества овчарок водили со стороны Раменок (это я видел своими глазами) тысячи несчастных в ватниках-теплогрейках. Они растягивались на несколько километров, направляясь к площадке, где строили физический, химический и биолого-почвенный факультеты, обнесенные оградой с колючей проволокой. Возводило здание УСДС — Управление строительства Дворца Советов, а оно входило в систему зловещего министерства.

Когда приезжали на «стройку коммунизма» высокие гости, например архиепископ Кентерберийский, то маршрут осмотра проходил в стороне, поодаль от заборов с вахтами, у высотной части здания, где работали свободные и расконвоированные заключенные, не имевшие паспортов.

Где находился первый лагерь ээка Солженицына?

С Красной Пресни, в зоне капитуляции Японии, 14 августа, в грузы какому-то близкому этапу за час его доставили к месту заключения с библейским названием...

Первое впечатление очаровало.

«Зона Нового Иерусалима нравится нам, она даже премиленькая: она окружена не сплошным забором, а только переплетенной колючей проволокой, и во все стороны видна холмистая, живая, деревенская и дачная звенигородская земля...».

Такая зона с двухэтажными каменным мужским корпусом и деревянным с мезонином — женским... Но в этой «премиленькой» зоне находилась натуральная камера: спать приходилось на голых досках, не только без белья, но и без постелей, в одежде: если она под дождем намочала — значит, спали в мокрой одежде, сушили на себе. Кормили щами из крапивы, работали от зари до зари, пока не выполнишь нормы...

Несколько дней побывал Александр Исаевич мастером, на «командной должности», но, не зная производства, не сумев принудить уголовников работать, с радостью слетел со своей должности и попал на «общие работы», от которых его так остерегал опытный ээк в пересыльной тюрьме.

— Поставь его с ломом и глаз не спускай! Чтобы шесть вагонов не за рсмену нагнужли! Чтобы вклявал! — так спорядилась начальница, разочаровавшаяся в незадачливом мастере.

В сухую погоду удавалось нагнужить пять вагонов. Но в дождь... Глину приходилось грузить голыми руками. Одна вагонетка — кубометр глины.

Неисповедимы пути ээка. Всего три недели провел Александр Солженицын на кирпичном заводе. Отсюда переместился еще ближе к Москве.

От Кремля, где проживал вождь и главный смотритель «архипелага ГУЛАГа», его отделили за Большим Каменным мостом две московские улицы — Большая Якиманка (позднее переименованная в улицу Димитрова) и следующая за ней Большая Калужская, заканчивавшаяся у Калужской заставы.

Лев КОЛОДНЫЙ.
(Окончание следует).